

Нёман

4/2017
АПРЕЛЬ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1945 года
Минск

СОДЕРЖАНИЕ

Елена ПОПОВА. Егоша и маленькие, маленькие бабочки... <i>Роман-сказка</i>	3
Людмила РУБЛЕВСКАЯ. И последнего сна Атлантиды никто не откроет. <i>Стихи. Перевод с белорусского Г. Авласенко</i>	54
Елена ПОДКАТИК. Мама Мария. Рассказ	57
Федор ГУРИНОВИЧ. Денек весенний. Стихи	72
Владимир ОРЛОВ. В тени алых парусов. Документальный рассказ	76
Если бы я не любила тебя. Люба ШТОРМ, Полина ПИТКЕВИЧ, Татьяна КУПРИЯНЕЦ. Стихи	85
Наследие	
Светлана КАЛЮТА. «Сколько бы я мог сделать полезного...»	89
Борис МИКУЛИЧ. Ищу и не найду. Стихи	100
«Всемирная литература» в «Нёмане»	
Десмонд БЭГЛИ. Бегущие наобум. Роман. <i>Продолжение. Перевод с польского В. Кукуни</i>	105
Вне времени	
Елена ГОВОР. Белорусские анзаки	152
Литературное обозрение	
Искусство суждения	
Марина АММОН. Он придет в полночь...	168
С точки зрения рецензента	
Алесь МАРТИНОВИЧ. Трилогия о Франциске Скорине	178
Зиновий ПРИГОДИЧ. Что нужно для счастья?	181
Александр ГУЖАЛОВСКИЙ. Вверх по лестнице, ведущей вниз	184
Валерий ГРИШКОВЕЦ. Ощущение чуда: стихографика	187
Напоследок	
Имена	
Алесь КАРЛЮКЕВИЧ. Институт Мальдиса. <i>Перевод с белорусского О. Пушкина</i>	189
Авторы номера	192

Елена ГОВОР

Белорусские анзаки

Каждый год 25 апреля по всей Австралии отмечается священный для австралийцев праздник — День Анзака. В этот день в 1915 году части Австрало-новозеландского армейского корпуса (АНЗАК) вместе с войсками союзников высадились под шквальным огнем турецкой армии на гористые берега полуострова Галлиполи у пролива Дарданеллы. Целью британских военных стратегов было не только захватить Дарданеллы, но и оттянуть турецкие войска с кавказского фронта и, таким образом, помочь одному из их главных союзников — России. Генералы мало считались с жизнями простых солдат, тысячи которых погибли при высадке и во время последующих кровопролитных боев. По существу, Галлиполийская операция стала поражением союзников, но в самосознании австралийской нации этот гористый берег, политый кровью тысяч ее сынов, занял особое место, и День Анзака так же священен для австралийцев, как для нас — День Победы.

По мере того как австралийская нация взрослеет, ее отношение к прошлому становится глубже и многомернее, и история легендарных анзаков наполняется новым содержанием. Но один компонент ее до недавнего времени оставался непоколебимым — само собой разумелось, что Австралия в то время была почти исключительно англо-саксонской нацией, таковой же была ее армия. И вот, просмотрев тысячи архивных дел, со статистикой на руках мне удалось доказать, что россияне на протяжении всей войны тоже были частью «легенды анзаков», причем в Австралийской армии бывшие русские подданные составляли самую большую национальную группу не англо-кельтского происхождения — около тысячи человек. О них я рассказала в книге «Русские анзаки в австралийской истории»¹. Оговорюсь сразу, что «русскими» в то время в Австралии называли всех уроженцев Российской империи, независимо от их этнического происхождения. В память о тех временах и заблуждениях я и создала выражение «русские анзаки», открыв для австралийцев пласт истории, о котором они не подозревали. Я не вкладываю в это выражение никаких имперских амбиций, а, напротив, пытаюсь показать все многообразие тех, кого здесь называли «русскими» и стереотипно считали бунтовщиками и большевиками.

Среди австралийских солдат из Сиднея и Гандагая, Брокен-Хилла и Бендига на том далеком галлиполийском берегу были и наши земляки — Павел Зиневич из Больших Лесковичей под Картуз-Березой, Устин Гловацкий из Жабинки под Брестом, Вильям Деонк из Лиды. Вот о вкладе уроженцев Беларуси в австралийскую легенду и — шире — в австралийскую историю и будет наш рассказ.

¹Elena Govor, *Russian Anzacs in Australian History*, Sydney, UNSW Press, 2005. Книгу дополняет вебсайт автора Russian Anzacs <http://russiananzacs.net/>, в котором есть раздел «Белорусские Анзаки». На страницах, посвященных каждому из них, имеется список ссылок к документам из австралийских архивов. Многие из этих документов оцифрованы, и таким образом, эти источники можно просматривать, используя ссылки на сайте. Иллюстрации, публикуемые в очерке, предоставлены семьями анзаков, а также взяты из фондов Национального архива Австралии, Австралийского военного мемориала и «Queenslander Pictorial».

Тайна Вильяма Деонка

Сколько было уроженцев Беларуси, и тем более этнических белорусов среди анзаков, сказать с абсолютной точностью трудно. Ведь границы губерний Российской империи, откуда они приехали, отнюдь не совпадали с территориальными границами нынешней Беларуси, да и белорусская нация в современном понимании этого слова в то время еще только формировалась. Героями нашего повествования будут тридцать с лишним человек, родившихся на территории нынешней Беларуси и прилегающих районов, населенных белорусами. Треть из них были евреями, остальные — славянами: белорусами, русскими, поляками.

Часто провести разграничение между славянами, жившими в Беларуси и на прилегающих территориях, выяснить этническое происхождение человека и, что не менее интересно, его самоопределение, оказывается совсем не простым делом. При тех или иных условиях они могли называть себя и поляками, и русскими, для них было характерно дву- и трехязычие. Здесь можно принять такую схему — если человек всю жизнь до эмиграции прожил в родной белорусской деревне, то его можно назвать белорусом в современном значении этого слова. Если же наш герой рано покинул свою деревню, местечко или город, обучаясь и живя в русском окружении, то в его самоидентификации может доминировать русская культура. Поэтому для выяснения того, кто был белорусом, приходится принимать в расчет и место рождения, и написание фамилии и имени, и имена родственников, и религиозную принадлежность, и круг контактов, и факторы, которые способствовали обрусению (например, служба в русской армии).

В начале двадцатого века, когда началась довольно значительная эмиграция жителей с территории нынешних Беларуси и Украины в Австралию, австралийцы считали их русскими или поляками, а сами эмигранты редко пытались исправить эту ошибку. В результате присутствие белорусов и украинцев в австралийском этносе на первых порах проходило незамеченным. Да и сами австралийские общины белорусов и украинцев, которые сформировались после Второй мировой войны, когда Австралия приняла десятки тысяч перемещенных лиц из Советского Союза, начинали отсчет присутствия своих наций в Австралии со своей, послевоенной, волны, не подозревая о героических земляках, которые сражались за эту страну уже в годы Первой мировой в числе легендарных анзаков.

Говоря с детьми белорусских анзаков, я все еще слышу отзвуки этой этнической путаницы. Когда я спросила Дороти, дочь Вильяма Деонка (Deonck) из Лиды, о родном языке ее отца, она сразу же ответила: «Русский». Но после моих дальнейших расспросов, когда я попыталась уточнить, был ли это действительно русский язык или польский, она поправила себя: «Ну, пожалуй, польский, потому что он называл себя поляком, а может, польско-русский или что-то такое». Впрочем, сама Дороти слышала из уст отца только английский. Дело еще больше запутывают семейные предания о том, что мать Вильяма Деонка, Мария, была ирландкой, которая переселилась в Польшу во время голода в Ирландии, а о его отце они слышали, что тот был капитаном на британском корабле во время Ютландского сражения. Уж не британцем ли он был? Но нет, Дороти напоминает, что настоящее имя ее отца было Тадеуш. А потом удастся найти и факты: Вильям при вступлении в брак в 1919 году и при натурализации в 1940 году указал имя своего отца как Никода, а на свидетельстве о смерти Вильяма в 1961-м имя его отца указано как Никодемус, в форме, принятой в католических святцах. Учитывая, что Вильям и сам был католиком, в его польском происхождении не приходится сомневаться. Внешность Вильяма — смуглолицый и темноволосый — вполне могла объясняться наследием его матери-ирландки (о ее ирландском происхождении Вильям действительно пишет в натурализации). Что же до загадочной фамилии Deonck, то она могла быть сокращением фамилии Денковский или Дионисюк/Денисюк и их вариантов.

Франк, сын солдата с английским именем Александр Майк (Mike), помнит, что его отец «всегда говорил, что он был русским, и всегда говорил по-русски. Мы были поражены, когда в его документах о натурализации увидели, что в действительности он был поляком». Однако Александр не был ни русским, ни поляком. Вступая в австралийскую армию, он дал такой адрес своих родных, написанный на русском языке: «Минской губ., Игуменского уезда, Пуховичской волости, деревни Запиговской Слободы, получить Анне Г. Майко». Оказалось, что это Затитова Слобода в Пуховичском районе — деревня с белорусским населением. Дети Александра подтвердили, что его подлинная фамилия была Майко, среди его родственников были Поскребко — другая фамилия, распространенная в этой деревне. От них же я узнала, что Александр был православным. Все это дает основания считать его белорусом.

Вероятно, белорусом был и Петр с труднопроизносимой фамилией Вишкенлский (Wishkenlski) — так он писал ее, когда вступал в австралийскую армию, однако к концу службы она трансформировалась в Виселенский (Wiselenski). На мое предположение о том, что фамилия, вероятно, искажена, его дочь Маргарет пишет: «Мы многого не знаем о ранних годах жизни отца, в том числе и правильное написание его фамилии. Поскольку он не мог писать по-английски, он называл свое имя и все, что они там писали, он принимал. Он считал себя русским». Из служебного досье видно, что Петр родился в Слониме, его отца звали Адам, и это, как кажется, свидетельствует в пользу того, что он мог быть поляком с фамилией Вишневский, которая, впрочем, широко распространена и среди русских. Вполне возможно, что Вишкенлский — это была попытка передать какую-то более редкую польскую фамилию, например Wiszlański. Тем не менее, замечание Маргарет о том, что он считал себя русским, и его принадлежность к православной церкви (это он указал ясно, вступая в австралийскую армию) позволяют утверждать, что он был православным белорусом.

Лишь единицы среди белорусов делали попытку объяснить свое отличие и от русских, и от поляков. Барбара, дочь Устина Гловацкого, рассказывает о своем отце: «Я не знаю, говорил он по-русски или по-белорусски, но в глазах моей матери-польки он был крестьянином. Может быть, он не говорил по-русски так, как было должно говорить по-русски по ее мнению. И он не любил говорить по-польски. Он определенно не был поляком. Он гордился, что не поляк». Вполне возможно, что под «крестьянским» русским языком тут скрывается белорусский.

Мог белорусский язык скрываться под термином «диалект», что произошло, как кажется, в случае с Яковом Федоровичем Гречинским из Городни. Надеясь получить работу цензора в австралийской армии в 1917 году, он писал, что знает «русский, польский, язык Курляндской (губернии), один или два русских диалекта, а также французский и японский языки». В случае Курляндской губернии речь идет, по всей видимости, о латышском языке, а вот два «диалекта» могут быть украинским и белорусским языками, ведь Городня Черниговской губернии, где он родился, находится на границе нынешних Украины, Беларуси и России. Среди Гречинских в Городне бытовало предание, что их предком был греческий поп Яков, прибывший в Нежин при Екатерине II. Австралийского Гречинского, несмотря на знание им украинского и белорусского языков, все же следует считать русским по культуре, его отцом был врач Федор Павлович Гречинский (возможно, брат врача и литератора Василия Павловича Гречинского), и Яков получил прекрасное образование в русских учебных заведениях; вероисповедание его было православным.

Православное вероисповедание Фавста (Фауста) Павловича Леошкевича, родившегося в Соколке Гродненской губернии (ныне это территория Польши на границе с Беларусью), указывает на то, что он, несмотря на место рождения, не был поляком. Но и белорусом, несмотря на его белорусскую фамилию, его едва ли можно назвать. Он происходил из семьи полковника Павла Илларионовича Леошкевича (потомственного дворянина Виленской губернии), семья жила и в

Беларуси, и в Мариамполе (ныне на территории Литвы, недалеко от границы с Беларусью и Польшей), а после смерти отца мать Фавста оказалась в Ашхабаде (Туркестан); родными языками для Фавста были русский и французский. Так что в данном случае перед нами человек русской культуры, несмотря на польско-белорусско-литовское происхождение его предков.

Семен Сучков, напротив, несмотря на свою русскую фамилию, считал себя белорусом. Он был учителем в поселке Еремичи Гродненской губернии; за участие в первой русской революции был арестован и сослан в Сибирь. Из ссылки он, как и многие, бежал и в 1912 году прибыл в Австралию. В марте 1945 года, во время обсуждения ялтинских соглашений в австралийской печати, он выступил с большим письмом в защиту освобождения Западной Беларуси от власти Польши. «У меня есть право выступать по этому вопросу, — писал он. — Я белый русский (термин, который не имеет политического значения, а только историческое и этническое). Я жил в этой стране до 23 лет, я побывал почти в каждом уголке Белой Руси, или как ее теперь часто называют местные жители, Белоруссии». Как видим, даже в 1945 году понятие белорус требовало некоторых объяснений в австралийском контексте.

Православный Джон (Иван Владимирович) Матвейчик, который родился на территории нынешней Польши, может быть назван белорусом. При вступлении в армию он указал такой адрес своего брата: Grodnenskoj Gubernii, Woskovaskah Uezda, Ushkovkahy Wososki, derevnia Ushkov Grood. Этот адрес мне удалось расшифровать как: Гродненской губернии, Волковысского уезда, Юшковской волости, деревня Юшковы Груд (Juszkowy Gród). Тот факт, что ни свою фамилию, ни название деревни Матвейчик не написал по-польски, говорит в пользу его белорусской самоидентификации. В определении национальной принадлежности православного Федора Трофимовича Лейко из Збочно под Слонимом нам может помочь информация о белорусском писателе Кондрате Федоровиче Лейко, происходящем из той же деревни.

Для определения национальной принадлежности Лео Берка приходится прибегнуть к кругу его контактов. Он родился в Белостоке Гродненской губернии. Фамилия Берк была распространена среди евреев, немцев и, в небольшой степени, поляков. Тот факт, что он был католиком, указывает, как кажется, на его польское происхождение. Однако фамилия его замужней сестры, проживавшей в Белостоке, — Андрейчик, — и тот факт, что, эмигрировав в Брисбен с Дальнего Востока, он общался исключительно с русской, а не с польской общиной, позволяет говорить о преобладании русской и, возможно, белорусской культуры. В одном из документов он отмечал, что русский является его родным языком.

Здесь следует отметить значительный русифицирующий эффект, который оказывала служба в русской армии не только на белорусов, но и на поляков. Петр Сребел (Сребаль), католик, происходил из Виленской губернии и этнически, несомненно, был поляком. Однако, если мы ближе познакомимся с имеющимися о нем сведениями, то возникает несколько иная картина. Он прослужил два года в русской армии. Все его контакты в Австралии связаны с русской общиной — русскими были его друзья, и останавливался он в русских пансионах, а в австралийскую армию вступил, указав имя и отчество — Петр Антонович.

Лео Берк служил два года в артиллерии и участвовал в Русско-японской войне. Он приехал в Австралию через Дальний Восток, очевидно, оставшись там после войны. В Русско-японской войне участвовал и Матвейчик, также приехав-

Иван Матвейчик

ший в Австралию с Дальнего Востока. Когда, в 1942 году, он умер в одиночестве в Брисбене, государственный попечитель передал в военное архивохранилище две его русские медали вместе с австралийскими боевыми наградами. Таким же путем приехали в Австралию Устин Гловацкий, служивший в Сибирском пехотном батальоне в 1909—1912 гг., Андрей Иванович Жабинский, служивший в Сибирском батальоне саперов, Джордж (вероятно, Георгий) Гурасов, прослуживший четыре года в Маньчжурском кавалерийском отряде.

Заговорив о службе в армии, мы уже и затронули тему о том, как уроженцы Беларуси попадали в Австралию в те давние времена. Главный путь, как это ни странно, пролегал через Дальний Восток, который, с открытием Транссибирской железной дороги, стал для россиян своеобразным Клондайком. Для многих этот путь начинался со службы в армии. Отслужив срок, молодые люди не возвращались на родину, а искали новых дорог, и тут на помощь им приходили эмиграционные бюро, которые на льготных условиях, через Харбин и Японию, перевозили россиян в Австралию. Пользовались их услугами и те, кто, приехав в Сибирь или на Дальний Восток, оказались без работы, ведь Австралия накануне Первой мировой войны славилась как страна социальных реформ, «рабочее царство».

Некоторые белорусы попадали в Австралию через Канаду и Америку, как, например, в случае с Александром Майко.

Три Ганночки, или Вокруг света в поисках счастья

В 1937 году Александр Майко прибил к ограде своего земельного владения в Госфорде, что под Сиднеем, доску с надписью «Березина». Так называлась река его детства в далекой Беларуси, воспоминания о которой, сладкие и горькие, всегда были с ним. К этому времени он был отцом двух детей-подростков, которые и подарили ему эту доску на Рождество. Им незадолго до смерти он и продиктует историю своей жизни.

«Я родился 4 августа 1892 года в деревне Слобода на реке Березина в России, в 70 милях от Минска. Моего отца звали Григорий Майко, а мать — Анна. Когда мне было семь с половиной лет, мой отец умер, а через пять месяцев родилась моя сестра Анна. Через год после смерти отца мать снова вышла замуж за мужичину с шестью детьми по фамилии Поскрёбко. Жизнь для меня стала невыносимой, потому что он был очень плохим и жестоким человеком. (Александр не написал об этом, но дети помнят, что его тело было покрыто шрамами от побоев, полученных в детстве. — *Е. Г.*) Я ушел жить к бабушке, но когда мне было десять лет, она умерла. Мне пришлось вернуться в дом к матери, но я не мог там ужиться. Много раз я убегал из дома и спал в сараях. Моей матери и сестре тоже плохо жилось с отчимом. Она бы ушла от него, но к тому времени у нее появились еще дети, и она не могла их оставить. В двенадцать лет я получил свою первую работу в 8 милях от нашей деревни. Я пас овец и свиней, присматривая, чтобы они не потравили поле и чтобы их не зарезали волки. Хозяин одевал меня и кормил и за семь месяцев работы заплатил 11 рублей (25 шиллингов). На следующий год я работал на тех же людей — пахал и сеял. Летом я водил коней в ночное и спал под звездами. Мы обычно разводили костер, чтобы отпугивать волков и согреваться. За этот год работы я получил 1 фунт 16 шиллингов. (В Австралии в то время годовая зарплата составляла около 50-100 фунтов. — *Е. Г.*) На третий год я работал на другого человека в той же деревне. В этой деревне было только семь домов. За этот год я заработал 2 фунта 5 шиллингов. Работа была тяжелой — расчистка земли — и я ушел через восемь месяцев. Потом я работал в буше (австралийские слова органически вплетаются в его белорусское повествование: буш — это австралийский лес. — *Е. Г.*), готовил бревна для сплава вниз по Днепру. Потом я нашел работу недалеко от тех мест, где родился. Здесь в первый год мой заработок был 30 рублей, а во второй год — 40 рублей с одеждой и едой.

В работу входило пахать, бороновать, косить и раз в месяц доставлять в Минск груз виски (водки)».

...Читая эти скупые строки, я могла легко представить то, о чем он не писал. Запах чабреца на песчаных пригорках среди молодых сосен. Какой благоухающий чай получался из его соцветий! Луговые цветы — сиреневые, желтые, розовые — вдоль извилистой речки, роса так и горит на них, когда косцы идут косить на восходе солнца. И картошка, испеченная в углях костра под звездами, со щепоткой сероватой крупной соли... Эта земля совсем не походила на Австралию, и все же, читая о жизни Александра в Беларуси, я постоянно вспоминала историю австралийца Берта Фейси, книга которого «Счастливая жизнь» стала символом повседневного героизма простого австралийского труженика. Их жизненные истории до удивления схожи. Они родились почти в одно и то же время, и тяжелые дни для обоих из них настали, когда им едва стукнуло по восемь лет. Это была жестокость их отчимов, жестокость, которая являлась частью семейных взаимоотношений в те дни. Оба они получают «лесное образование» (“bush schooling” назовет его Берт Фейси). Оба будут с точностью до мелочей вспоминать цифры своих первых заработков десятилетия спустя. И оба будут тяжело ранены на войне... Но вернемся к следующему периоду в жизни Александра Майко. В те годы, когда его австралийский двойник Берт начал свой путь, покинув места в Западной Австралии, где вырос, Александр тоже отправился в путь — на другой конец земли.

«Когда мне было семнадцать с половиной лет, я решил отправиться в Канаду, и тут возникла проблема денег. Чтобы добраться до Канады, надо было иметь 140 рублей и еще 50 требовалось предъявить при высадке. Я накопил 40 рублей и еще 100 получил, сдав в аренду землю, которую оставил мне отец, но достать последние 50 оказалось непростым делом. В конце концов мне одолжили эти деньги люди, у которых я работал, просто под честное слово. Я не мог получить паспорт, так как был еще несовершеннолетним, и отправился в путь без паспорта, с помощью агента. Я покинул дом 26 декабря 1909 года. Из нашей деревни вместе со мной отправились еще одна женщина и трое мужчин. Сначала мы добрались до Польши, где неделю прятались, а потом нас отправили дальше в вагоне со скотом. Из него мы вышли недалеко от границы и оттуда шли 5 миль по бушу, пока не оказались в Австрии. Неделю мы провели в Вене, а потом поездом поехали в Роттердам в Голландии. Там неделю ждали пароход, который довез нас до Галифакса. Оттуда поездом доехали до Торонто в Канаде.

В Торонто я нашел работу на сортировке старой бумаги и тряпья за 4 доллара 50 центов в неделю, за жилье и еду платил 3 доллара в неделю. Через полгода нашел работу по сортировке тряпья в другом месте за 6 долларов в неделю, но я там долго не задержался. Когда вернулся на свою первую работу, мне стали платить 7 долларов 50 центов в неделю. ...Моя следующая работа была у портного за 7 долларов в неделю. Мне там очень нравилось, и я проработал полгода, но заработок был небольшой, и я отправился в Америку. Это было в 1911 году. ...В Питсбурге я получил место на сталелитейной фабрике. Это была самая лучшая из моих работ! Я трудился у печи, нагревая железо, из которого делали костыли для железнодорожных рельсов... Потом работал на угольной шахте в Пенсильвании... Пробыл там около двух месяцев, пока большой камень не свалился мне на ногу, из-за чего пришлось ампутировать раздробленный большой палец. Я не сразу поправился, и все мои сбережения кончились. После этого работал на строительстве дороги, на ферме и развозил лед. Следующая работа была на пристани на озере Эри и на колесном пароходе на реке Огайо. ...В конце концов я решил вернуться в Канаду. ...У меня было только то, что надето на мне, так как в Питсбурге я потерял всю свою одежду. Я получил работу — извозчика с лошадьми — у своего старого босса, он платил 12 долларов за 60-часовую рабочую неделю, но вскоре меня уволили за участие в забастовке. Потом работал на ферме, но там плохо пришлось, и я нанялся развозить уголь. Это была тяжелая и грязная работа, и я перешел в отливочную мастерскую, но такая работа оказалась

мне не по силам. Я опять вернулся к старому боссу, и он дал мне работу получше — водить машину за 13 долларов в неделю. Вот тогда я и получил свои первые водительские права. Началась война, и босс срезал зарплату. Я попытался вступить в армию, но меня не приняли в танковый корпус, и я решил отправиться в Новую Зеландию.

Новая Зеландия мне не очень понравилась, и я нанялся на корабль, который шел в Австралию. Австралия мне тоже сразу не понравилась, но у меня не было денег, чтобы уехать отсюда, а на корабль можно было наняться только до Индии, перевозить лошадей. Это меня не устраивало, пришлось остаться тут и довольствоваться тем, что есть. Я нанялся строить железную дорогу в Ниммитабеле (у подножья Снежных гор) за 8 шиллингов в день, но там все время шел дождь или снег, и нам удавалось работать только три или четыре дня в неделю, а жить приходилось в палатках, так что я оставил эту работу и поплыл на корабле в Брисбен. Там дела были не лучше, сотни людей не могли найти работу. Я отправился внутрь страны в поисках заработка. Пройдя 60 миль, нашел работу на расчистке за фунт в неделю плюс содержание. Через 8 недель работа кончилась, и я нашел другую на молочной ферме. Там пробыл 3 месяца, а потом вернулся в Сидней и стал развозить молоко в Мосмане за 1 фунт 10 шиллингов в неделю плюс содержание».

Но кончилась и эта работа, и Александру ничего не оставалось, как вступить в армию. Заполняя документы, он тщательно вывел в графе «ближайший родственник» имя своей любимой сестры Анны. Ведь она была единственным светлым лучиком в его прежней жизни, который связывал его с родной землей.

Но Анна, Ганночка, была не только в судьбе Александра Майко. Маргарет, дочь Петра Виселенского из Слонима, вспоминает, что у отца «с родиной никаких связей не было, несмотря на попытки моей матери разыскать его родных. Камнем преткновения было то, что мы не знали, как правильно пишется его фамилия. Он уехал из дома очень рано, лет в двенадцать-тринадцать, и образования у него почти не было. Неизвестно, то ли его отвез на корабль отец, то ли он сам был вынужден покинуть дом из-за конфликта, так как, очевидно, не ладил с мачехой. Об одном он жалел — о потере связи со своей единственной сестрой Анной». Именно свою сестру, как и Александр Майко, Петр указал в графе «ближайший родственник», вступая в Австралийскую армию. Эту Ганночку помнят в далекой Австралии спустя столетие, и я надеюсь, что несмотря на все перипетии двадцатого века, теперь наконец-то удастся найти ее семью в Слониме... На мой вопрос, учил ли их Петр своему родному языку и пел ли он какие-либо песни, Маргарет ответила: «Он не

учил нас своему языку, и песен на нем не пел. Я думаю, что и петь-то им было не о чем, жизнь там была очень тяжелая. Я только знаю, что когда на их маленьком наделе земли бывал неурожай, они едва могли прокормиться и выжить».

Была Анна в судьбе и Павла Зиневича из деревни Большие Лесковичи (Пружанский уезд Гродненской губернии). Его родственник, Леонид Корж из Березы, рассказывает, что в семье было пятеро детей, и когда Павел окончил Черняковскую двухгодичную церковно-приходскую школу, «денег на продолжение учебы не было, и он остался у родителей и пас скот у богатых людей. Перед Первой мировой войной завербовался на работу, как тогда говорили, в Америку. За годы его отсутствия было получено два письма, которые не сохранились». Сестра Павла Анна помнила о нем до самой смерти и, умирая, завещала своим родным узнать о его судьбе.

*Александр Майко в Англии
в 1917 году.*

Выполнить просьбу этой Ганночки удалось только сейчас, когда я разыскала его родных в Беларуси.

Павел Зиневич и Петр Виселенский, как и Александр Майко, покинули родину почти одновременно, за несколько лет до Первой мировой войны, отправившись искать счастья в Канаде и Америке, а потом перебрались в Австралию.

Было среди уроженцев Беларуси и несколько моряков — уже упомянутые Вильям Деонк и Фавст Леошкевич, а также кочегары Мариан Адамцевич из Минска и Прокофий Пашкевич из Борисовки (Кобринский уезд Гродненской губернии). Все они попали в Австралию в начале войны.

Пути миграции пятнадцати евреев, которые были среди белорусских анзакв, сложились несколько по-другому. Для многих из них это была двухступенчатая эмиграция — еще в детстве или в юности они покидали родные края и отправлялись в Англию, а уже оттуда перебирались в Австралию. Такой путь прошел, например, Исаак Прусов из Городка на Витебщине — в пятнадцать лет, в 1900 году, он отправился в Лондон, где освоил ремесло столяра и женился, перебравшись с женой и детьми в Австралию накануне войны. Некоторые совершали сходное путешествие через Южную Африку или Аргентину, а несколько человек попали в Австралию через Палестину.

Петр Виселенский

«Стать солдатом — это мой долг перед Австралией»

Судьбы еврейских анзакв дают интересную пищу для размышлений об отношении этого поколения эмигрантов к своей родине, к прошлому. Некоторые еврей-анзаки выросли, не имея никаких связей с Беларусью, и о своем русском подданстве они вспоминали лишь когда нужно было заполнять документы. Например, Соломон Розенберг покинул ее в девять лет, жил в Глазго, в Англии, потом в Аргентине. Когда ему пришла пора подавать документы на натурализацию, он не знал даже, где родился, и лишь у отца выяснил, что происходит из Брест-Литовска. Однако вопрос национальной принадлежности для еврейских, как, впрочем, и для других анзакв, значил иногда гораздо больше, чем формальная запись в армейских аттестационных документах. Намного больше...

И здесь мы познакомимся с одной из богатейших семей Австралии — Майерами, основателями крупнейшей сети универсальных магазинов «Майер Эмпориум». Происходят эти австралийские мультимиллионеры из белорусского городка Кричев. Основатели династии, братья Элкон и Симча Баевские, приехали в Австралию еще в конце XIX века. Начав с нуля, ко времени Первой мировой войны они были уже крупными торговцами. Вскоре взяли имена Элкон и Сидней Майер (Myer). Во время войны занимались поставками для австралийской армии. В 1915 году Элкон Майер, будучи уже немолодым человеком, вступил в английскую армию и прослужил до конца войны. Но эта семья дала австралий-

ской армии еще двух солдат. За несколько лет до войны они пригласили в Австралию своих молодых племянников Самуила Эттингова и Наума (Нормана) Майера из местечек Ляды и Татарск под Могилевом. Юноши получили здесь хорошее образование и выросли, отождествляя себя с австралийской, а не с русской или еврейской культурой. Оба вступили в австралийскую армию. Но когда Самуилу надо было принять присягу, он наотрез отказался делать это как русский подданный и обратился к австралийским властям с просьбой о натурализации с тем, чтобы он мог принять присягу как австралиец. «Я считаю, что стать солдатом — это мой долг перед Австралией, страной, которая усыновила меня, — взывал он к австралийским властям. — Я хочу вступить в армию именно как британский австралийский солдат, а не как русский. Я считаю себя евреем, а не русским, и принадлежу к британскому народу, чувства и убеждения которого полностью разделяю и в чьей цивилизации был воспитан».

И хотя для вступления в австралийскую армию русские не нуждались в австралийской натурализации, да и кроме того, австралийские власти в это время наложили полный запрет на натурализацию молодых россиян, для Самуила сделали исключение — ему срочно была оформлена натурализация, и он принял присягу как австралиец вместе со своими однокашниками из Мельбурнского университета, которые тоже вступали в армию. К сожалению, жизнь его трагически оборвалась еще до отправки на фронт — он погиб, когда его мотоцикл столкнулся с трамваем.

История двоюродного брата Самуила — Нормана Майера — дает, казалось бы, этой семейной саге счастливый конец. В австралийской армии юноша прошел путь от рядового до лейтенанта. Он унаследовал «Майер Эмпориум» и под конец жизни стал кавалером одного из высших английских орденов (Knight Bachelor) с титулом сэра. Но и у него был свой счет к белорусскому прошлому, о котором никогда не говорил. Его дочь Памела узнала, что ее отец родился в России, только когда ей пришла пора заполнять анкеты для получения паспорта. И никто в семье Нормана не знал, что в Израиле все эти годы жила его мать, которую он всю жизнь финансово поддерживал. Его внук, мельбурнский журналист Род Майер, пишет в своем очерке: «Отец Наума умер, когда ему было 6 месяцев. Его мать, чтобы поддержать семью, должна была снова выйти замуж. Ее муж был так жесток, что мальчик часто убегал из дома и прятался в лесу, пока холод и голод не заставляли его возвращаться. Спасение пришло в виде билета в Австралию от Сиднея и Элкона Майеров». Отныне прошлое осталось в прошлом. Он будет молчать о нем, как и его белорусский сверстник Александр Майко, которого так же жестоко истязал отчим совсем недалеко от тех мест, где провел детство Наум.

Но вот Хаим Самойлович Платкин сделал другой выбор. Он родился в Рогачеве, в той же Могилевской губернии, откуда происходили и Майеры. Как и они, покинул родину в молодости, еще в конце XIX века, и прожил 20 лет в Англии, где стал театральным антрепренером, известным под именем Эдвард Платт. Под этим именем и приехал в Австралию в 1914 году в качестве импресарио молодых музыкантов Чернявских. В австралийскую армию он решил вступить под своим подлинным именем Хаим Самойлович Платкин — из патриотических соображений, как знак солидарности с воюющей Россией. Он еще не знал, какую цену ему придется за это заплатить...

С горечью вспоминал о своей родине и Семен Сучков. Когда в 1922 году власти потребовали от него подписать документ об отречении от прежнего гражданства (эту формальную процедуру проходили все иммигранты при натурализации в Австралии), Сучков написал об этом глубоко личные слова: «Что до отречения от моего прежнего гражданства, я могу только сказать, что в душе я это сделал давным-давно, и сделать это на бумаге мне не составит труда».

Я принимаю и уважаю выбор каждого из них — Эттингова и Сучкова, Майера и Платкина. Ведь это был наш жестокий двадцатый век, который заставлял делать такой выбор.

В сознании россиян великой войной стала Великая Отечественная, которую на Западе называют Второй мировой. Но у Запада была тоже своя Великая война — так здесь традиционно именуют Первую мировую. В нашем сознании значимость, трагизм и символизм той далекой войны затмили обрушившиеся вскоре на страну революции, гражданская война, голодомор, сталинизм и, наконец, беспрецедентная трагедия Великой Отечественной войны. Но, пожалуй, двадцатый век, мандельштамовский век-волкодав, начинает свой отсчет именно с Первой мировой, которая стала концом поступательного, рационального развития предшествующих столетий.

Когда заходит речь об участии русских в составе австралийской армии в Первой мировой, неизбежно возникает вопрос — почему они вступали в эту, в общем-то, чужую им армию? Ответы тут будут разными, как разными были и судьбы анзаков. Евреи, родившиеся в Российской империи, но выросшие в Англии или Австралии — «британцы по духу», — вступали в армию в числе первых, побуждаемые патриотизмом и стремлением выполнить долг перед империей. Франк Дворецкий из Слонима, приехавший в Австралию с родителями в детстве, после первой неудачной попытки вступить в армию зайцем пробрался на военный корабль, отправлявшийся с войсками в Египет, и там добился приема в армию. В четырнадцать лет приехал в Австралию и Джон Голдберг из Гродно; в то время как большинство евреев оседали в городах, он стал настоящим «бушменом», т. е. жителем «буша» — отдаленных внутренних районов страны. Гандагай, Аделонг, Бурова, Даббо — места, где он работал, — выступают в сознании австралийцев как олицетворение глубинки, пронизанной узами братства. Неудивительно, что Голдберг, ставший частью этой земли, стремился вступить в армию. Когда его отчислили из-за слабого здоровья, он вступил снова, но на фронт не попал, тяжело заболев по дороге в Англию. Бернард Ремез из Могилева, участник Русско-японской войны, работавший оптометристом в австралийской глубинке, на митинге вскоре после начала войны говорил, что хотя россияне и критикуют свое правительство, они никоим образом не поддерживают немцев; сам он дважды попытался вступить в армию. Патриотизмом были полны и племянники Майеров, с которыми мы уже познакомились.

Не чужды были идейные соображения при вступлении в армию и белорусам. Например, на вступление в армию Семена Сучкова повлиял тот факт, что четыре его брата вступили в русскую армию с началом войны. Годы спустя он писал: «Я был готов отдать свою жизнь за эту страну, принявшую меня, как своего сына, когда она во мне нуждалась». У Лео Берка два брата тоже вступили в русскую армию и погибли на войне. Уже после войны он уверял, что он и его товарищи «пошли на фронт не за 6 шиллингов, а чтобы отдать свои жизни в борьбе за Россию и ее союзников в этой великой мировой войне за демократию и мир».

Но 6 шиллингов, которые платили австралийским солдатам за день службы, тоже были немаловажным стимулом — ведь многие иммигранты в то время занимались тяжелым физическим трудом — на шахтах, на рубке сахарного тростника, на строительстве железных дорог. С началом войны началась безработица, причем иностранцев увольняли в первую очередь. Барбара, дочь Устина Гловацкого, вспоминает: «Отец добрался до Рокхемптона на корабле зайцем и стал подумывать, что лучше бы как-то вернуться в Россию, но у него не было денег. И тут он услышал, что набирают солдат в Дарданеллы, тогда говорили, что войну эту закончат очень быстро, и он подумал: “Я сяду с ними на корабль, мы кончим войну, а оттуда недалеко и до дома в Жабинке дойти”. Получилось-то все совсем не так». К этой истории из семейного фольклора можно добавить, что в армию Гловацкий вступил с целой группой россиян, в том числе с белорусом Андреем Жабинским из Борисова и Иосифом Рудецким из-под Киева. Рокхемптон — городок на севере Квинсленда, который окружают поля сахарного тростника. С окончанием сезона рубки тростника русские и записались в армию.

Особую группу составляли моряки. Иногда, с началом войны, корабли интернировали или капитан, решив, что продолжать плавание дальше невыгодно

и небезопасно, рассчитывал всю команду. Бывало, россияне дезертировали со своего корабля. Так, например, произошло с Фавстом Леошкевичем, прибывшим в Австралию с грузом досок из Либавы. Его сын Леон рассказывает: «Пришвартовавшись, они узнали, что разразилась мировая война, и тогда они с Васей Грешнером сбежали с корабля. Капитан обратился в полицию, чтобы те нашли его дезертиров. Их нашли, но полицейский дал каждому по полкроны и посадил в дилижанс, который отправлялся на запад, в городок Колэк. Наверно, это был неофициальный способ заполучать иммигрантов для Австралии!» Через несколько месяцев, помыкавшись без работы, Леошкевич вступил в армию. Подобную историю помнит и внук Вильяма Деонка: «Дед был русским торговым моряком, приплыл сюда на корабле, и как все хорошие мальчики, оставил корабль, гулял в городе, а корабль тем временем ушел. Тогда австралийские власти его поймали как нелегального иммигранта и сказали ему: “Вот тебе выбор — или мы тебя вышлем в Россию, или отправим в Европу, сейчас там завязалась маленькая война, так, месяца на три”. И он подумал: “Ну что ж, вступлю в армию, повоюю три месяца в Европе, и я свободен, они должны будут вернуть меня сюда и уже ничего не сделают за то, что я сбежал с корабля”. Но ему и в голову не пришло, что придется пройти всю войну от начала до конца».

Галлиполи

Хотя Австралийская армия начала комплектоваться со дня объявления войны в августе 1914 года, но пороку австралийским солдатам по-настоящему довелось понюхать только начиная с апреля 1915 года, с высадки в Галлиполи. Символом героизма австралийцев в Галлиполи стали не громкие боевые победы, а повседневный героизм простого австралийского солдата Симсона, служившего в медицинской части. В первые дни после высадки, когда потери были колоссальными и царила общая неразбериха, он нашел где-то заблудившегося ослика и, пробираясь с ним на передний край, где лежали раненые, вывозил их вниз к морю, в медсанбат. За свое бесстрашие, презрение к смерти и верность воинскому долгу, а вернее, долгу товарищества (он работал самостоятельно, на свой страх и риск), Симсон, «парень с осликом», стал легендой еще при жизни. А жизни было ему отпущено после высадки чуть больше трех недель. В конце концов его сразила пулеметная очередь. Ныне статуя этого удивительного паренька с осликом приветствует посетителей у входа в Австралийский военный мемориал в Канберре — самом святом месте для австралийцев.

...Когда я начинала собирать материалы об анзаках, казалось, что это часть далекой легендарной истории, что между нею и настоящим — глубокая пропасть. Но внезапно зазвучали голоса наших анзакв.

«Как-то зимой мы сидели дома вокруг стола и ели горячую картошку, — вспоминает Барбара, дочь Устина Гловацкого, — и я говорю: “А нам сегодня в школе весь урок рассказывали об одном замечательном человеке, герое Галлиполи Симсоне”. И тут мой отец покраснел и как закричит: “Об этом идиоте! Да он погубил больше людей своим дурачеством, чем спас! Он, бывало, несет носилки, а как завидит турок, начнет дразнить их, прыгать туда-сюда и покрикивать “Вот я где!”, а те в это время раненого, которого он нес, и добьют. Сколько же осликов и раненых погибло из-за его дурости. Мне довелось поработать санитаром, и когда был мой черед идти с ним в паре, я притворялся, что у меня колики, только бы не оказаться вместе. Ничего не было опаснее, чем идти с ним”».

История жизни самого Устина Гловацкого была полна необычайных приключений. Бывший студент, замешанный в политике и поэтому бежавший из России, и в то же время правнук, если верить семейному преданию, крупного землевладельца с тремя тысячами крепостных, Устин начал свою карьеру в австралийской армии в качестве повара. «На корабле его назначили ординарцем: смотреть за

офицерами и чистить им обувь, — рассказывает его дочь. — Те видели, что он джентльмен и знает, что такое культура». В Галлиполи его направили в группу санитаров-носильщиков, т. к. парень был невысокого роста. Однажды он вынес из боя тяжелораненого офицера. Когда того переносили на санитарный корабль, он спросил имя спасшего его санитара. Позже оказалось, что офицер был родственником Франка Савери, впоследствии ставшего британским послом в Польше. Франк Савери не раз будет помогать Устину Гловацкому в дальнейшем и в конечном итоге спасет его семью в годы Второй мировой войны, но не будем забежать вперед и вернемся в Галлиполи. Кстати, что до ослика и Симсона, то мне пришлось разрушить семейную легенду — оказалось, что Гловацкий высадился в Галлиполи к тому времени, когда Симсон уже погиб. Впрочем, и на его долю выпали другие «Симсоны» и другие ослики...

Устин Гловацкий

«Отец как-то рассказывал, какой страх они испытали, когда оказались в Галлиполи и увидели происходящее, — а это уже голос Дороти, дочери Вильяма Деонка, — и я подумала: ого! Моего отца не так-то просто напугать, должно быть, это было что-то действительно ужасное. В составе 17-го батальона он находился в Галлиполи с августа 1915 года и одним из последних покинул пост». Деонк удостоился специальной награды за мужество в Галлиполи — Военной Медали. Его командир, лейтенант-полковник Е. Т. Мартин, писал о нем: «В качестве гранатометчика на Квин Пост, где обстрел был исключительно интенсивным, Вильям Деонк проявил себя надежным, горячим и энергичным бойцом. Нельзя переоценить влияние его поведения на его товарищей — он никогда не унывал, как ни тяжела была обстановка». Это была удивительная характеристика, особенно в отношении иностранца, для которых командование редко находило хвалебные слова. Камнем преткновения становилось, конечно, непонимание ими команд на английском языке. «А как же его английский? — спросила я Дороти, зачитав ей этот документ. — Ведь он едва знал его». — «Это отца не беспокоило. Он говорил на ломаном английском, но мог общаться с кем угодно, такая уж у него была натура».

Всего же в галлиполийской операции участвовало шесть уроженцев Беларуси, причем Зиневич присутствовал при знаменитой высадке 25 апреля 1915 года. Три месяца спустя он был ранен в локоть, его эвакуировали в госпиталь на Мальте. После лечения наш земляк снова вернулся в свой батальон на Галлиполи. В августе-сентябре из Австралии пришло подкрепление, в числе других были и наши знакомые — Деонк, Гловацкий и Жабинский. Последним высадился Давид Робин из Гродненской губернии. В конце декабря командование решило вывести войска союзников с Галлиполи, где сложили свои головы тысячи солдат...

На Западном фронте

После переформирования австралийских войск в Египте в начале 1916 года их стали перебрасывать на Западный фронт — во Францию и Бельгию. Александр Майко, который в конце 1915 года остался без работы в Сиднее, оказался среди новых подкреплений. Его рассказ об армейской службе звучит прозаически, это та же работа, к которой он привык с раннего детства, разве что пейзаж другой, но и на него Александр смотрит глазами крестьянина: «В январе 1916 года я вступил в армию, начал жизнь солдата и отбыл из Австралии в марте.

Мы зашли по пути в Коломбо и Аден, а затем через Суэцкий канал в Порт-Саид. Оттуда нас перебросили в Тель-эль-Кебир. Там мы были три недели. Вокруг была пустыня, песок и больше ничего, днем было очень жарко, а ночью — холодно. Мне не давали увольнительной, и я на свой страх и риск отправился на денек посмотреть Каир, к счастью, меня за это не оштрафовали. Из Тель-эль-Кебира нас отправили поездом в Александрию. Земля вокруг была славная, и благодаря орошению, рос хороший урожай. Из Александрии нас на корабле повезли через Гибралтар в Плимут в Англии. Мы прожили три месяца в лагере около Салсбурри. Стоунхедж был недалеко от нас. Я получал увольнительную три раза и ездил в Лондон, а потом нас отправили во Францию. Где-то в ноябре 1916 года наши пополнения присоединились к батальону в Армантьере, а через 12 месяцев я получил 10-дневный отпуск в Англию».

И ни слова о кровавой мясорубке, что творилась вокруг него на Западном фронте. А потерь тут было много. Хотя участок фронта в районе Армантьера, где их первоначально разместили, считался относительно спокойным (солдаты называли его «детским садом»), артобстрелы противника привели к первым жертвам. 16 апреля 1916 года, едва прибыв на фронт, от тяжелых шрапнельных ран скончался ветеран Галлиполи Давид Калмен Робин (Рабинович) из Белостока в Гродненской губернии. Он приехал в Австралию в юности, еще в 1903 году, натурализовался, занимался торговлей сначала в Перте, а затем в Сиднее, побывал в Новой Зеландии и Америке. Незадолго до начала войны он женился на австралийке. Вероятно, он был из тех, для кого Австралия стала домом, и они пошли на войну из чувства долга перед этой страной. Хотя он был евреем, вступая в армию, он сделал прочерк в графе «религия». Он стал таким же, как его австралийские собратья по армии, и вместе с ними во время короткой передышки в Египте сбежал из лагеря погулять в городе, — австралийские солдаты славилась своей бесшабашностью, — за что и был оштрафован, но хорошо, что у него были хоть эти беззаботные дни... Австралийцы чтят Робина как первого австралийского еврея, павшего на Западном фронте. Мы можем добавить, что он был и первым павшим там нашим земляком, уроженцем белорусско-польского пограничья. Вскоре получил перелом черепа и Петр Зиневич, однако он поправился, вернулся в строй и был назначен капралом.

Чарльз Бин, автор многолетней «Официальной истории Австралии в Первой мировой войне», пишет о том, что пришлось испытать солдатам, находившимся под непрерывным обстрелом в открытых траншеях во время боев за Позьер осенью 1916 года. Он, в частности, рассказывает о «русском из 9-го батальона», который «во время бомбардировки... рыл землю, как терьер, голыми руками, стоя на коленях, временами скуля, в отчаянном стремлении спасти своих товарищей,

засыпанных землей. Когда его, наконец, самого засыпало землей и он был откопан, он бросился бежать прочь с передовой». Не об Устине Гловацком ли он писал? Здесь во время взрыва засыпало землей его друга Андрея Жабинского, он был тяжело контужен и отправлен в Англию. Барбара, дочь Устина, вспомнила один из его рассказов, который, возможно, и относится к тем страшным дням битвы за Позьер: «Как-то мы сидели все вместе после обеда, и мама почему-то сказала: “Ты, должно быть, был очень смелым на войне”, и он ответил: “Я не хочу, чтобы ты думала, что я был смелым. Однажды нас вызвали в атаку, а я не мог заставить себя выбраться наверх из окопа. Я обхватил голову руками, чтобы ничего больше не слышать...”»

Андрей Жабинский

Огромное напряжение, испытанное участниками этого сражения, имело трагические последствия

и после того как их подразделения отводили с передовой. Такой стала судьба Вячеслава Ковальского. Вступая в армию, он указал местом своего рождения Москву, но вполне вероятно, что это не соответствовало действительности и он был белорусом. Он приехал в Австралию в 1912 году с волной русских дальневосточных эмигрантов и работал здесь разнорабочим. Первая его попытка вступить в армию не увенчалась успехом, но в июле 1915 года его наконец-то приняли. Его боевым крещением стал Позьер. После битвы за Позьер его зрение стало резко ухудшаться, его отправили в Англию и в ноябре, почти слепого, демобилизовали в Лондоне. Через три дня после Рождества он покончил с собой. В полицейском донесении говорилось, что «в этой стране у него не было друзей». Никого не было у него и в Австралии, кроме девушки по имени Джин Пауер из Тувумбы. Его имя не значится среди имен австралийцев, погибших в войнах и выбитых на стенах Австралийского военного мемориала, да военные и не пытались записать его имя правильно — в одних документах он назван Вачалаф Ковальский, в других — Вачелар Кавольский...

Здесь, в Позьере, мы снова встречаемся с бесстрашным Вильямом Деонком, которого перевели во взвод гранатометчиков. Во время боев за город он был ранен в плечо, контужен и отправлен в Англию. Свою высокую награду за мужество, проявленное в Галлиполи, Военную медаль, он получил уже находясь в Англии на поправке.

В начале 1917 года в боях за Лагникур был ранен Джон Матвейчик, а несколько месяцев спустя отравлен газом Лео Берк. В строй они уже не вернулись и были эвакуированы в Австралию. Оба они происходили с территории белорусско-польского пограничья.

Одним из важных сражений 1917 года стала Мессинская операция, в целом успешная. Здесь был ранен в ногу Осип Рынкевич. Вступая в армию, он указал, что родился в Витебске, однако, вернувшись с войны, он натурализовался как уроженец Томска. В Томской губернии, в районе станции Болотное действительно жил его отец Иван Рынкевич, переселившийся туда во время Столыпинской реформы из Режицкого (ныне Резекне) уезда Витебской губернии. Их, учитывая русскую, а не польскую форму имен, которую использовал Осип, можно считать белорусами или обрусевшими поляками. Осип Рынкевич, судя по почерку, неплохо образованный молодой человек, приехал в Австралию в 1913 году с волной русских переселенцев. Однако, в отличие от других россиян, которые оседали преимущественно в Квинсленде, он поколесил по всей Австралии — работал в Сиднее, в Порт-Пири, где было рудоплавильное производство, а затем добрался до Дарвина на Северной территории, а оттуда с группой русских он отправился работать на скотобойне в Уинхаме, в одном из самых отделенных районов Западной Австралии. Однако через несколько месяцев он вернулся в Дарвин и вступил в армию вместе с Джоном Гуральским — поляком, долго прожившим на Дальнем Востоке.

После завершения Мессинской операции началось крупное наступление у Ипра. Григорий Кунин из Воложина погиб здесь вместе с девятью другими солдатами 19 сентября 1917 года, накануне наступления. Они находились на дозорном посту и погибли при прямом попадании бомбы. Его командир писал: «Я отправился к месту взрыва с тремя солдатами, и мы откопали тела Кунина, Кокса и Норткота, а также неузнаваемые останки других, которых разорвало на куски». Их похоронили всех вместе, поставив крест над братской могилой, хотя Кунин был евреем. Бен Гоффин, другой еврей из Подолии, который вступил в армию и служил вместе с Куниным, писал: «Он был невысоким смуглым парнем, крепко сложенным, с темными вьющимися волосами. Он был моим закадычным другом». Товарищи называли его Рэшер (Rasher), вероятно, по ассоциации со словом Russian. Даже будучи в армии Кунин помогал своей сестре Лие, жившей в Мельбурне, а в Воложине у них осталась мать. В досье Кунина, хранящемся в архиве, есть несколько страничек послевоенной переписки его матери, Баси Кункиной, с

военными властями, которые уточняли ее адрес для пересылки медалей. Сквозь скупые строки ее письма, искаженные многократным переводом — с еврейского на польский, а потом на английский, — слышится неизбывное материнское горе: «Я хочу иметь что-нибудь на память о нем, потому что он сын мой. Вы спрашиваете, можете ли вы хранить медали, но я хочу иметь память о нем».

Революции 1917 года в России — сначала февральская, а потом октябрьская — привели к массовому братанию на русских фронтах и выходу России из войны в начале 1918 года. В результате немцы смогли передислоцировать значительные силы на Западный фронт и 21 марта начали крупное наступление в районе Аррас и Сент-Квентин. Они прорвали оборону Британской армии, расположенной в этом секторе, и заняли территории, где шли кровопролитные бои в 1916 и 1917 годах. Австралийские войска во время этого кризиса сражались бок о бок с англичанами на различных участках фронта. Особенно жаркими были бои 5 апреля, где австралийские войска защищали участок фронта около Дернанкурта, близ Амьена. Немцы прорвались через австралийскую оборону, и хотя они были в конце концов остановлены, австралийцы понесли большие потери. 47-й батальон Семена Сучкова, который прибыл во Францию всего за месяц до этого сражения, оказался в центре удара противника. Сучков, как и многие его соратники, попал в плен. В немецком плену им пришлось голодать, и поскольку у него не было родных в Австралии, заботу о нем взял на себя австралийский Красный Крест, в то время как его превосходное знание немецкого языка оказало неоценимую помощь его товарищам по несчастью.

Незадолго до этого сражения был отравлен газом Фавст Леошкевич, он был эвакуирован в Англию, немного поправился и снова вернулся на передовую, где попал в газовую атаку во второй раз. Для него это был конец войны — вместе с другими ранеными его, наконец, отправили в Австралию. 19 мая 1918 года в бою под Корби был тяжело ранен Александр Майко. Кусок шрапнели застрял у него в груди. В своих воспоминаниях он был, как всегда, краток: «12 недель я про-

Осип Рынкевич (слева) с русскими сослуживцами Николаем Кива и Василием Аверковым вскоре после вступления в армию.

лежал в госпитале во Франции, потом полгода в госпитале Хэирфилд в Англии. Я еще был лежачим больным, когда меня привезли на госпитальном корабле в Сидней, и меня сразу отправили в госпиталь в Рэндвике. В общей сложности я провел в госпиталях 17 с половиной месяцев, и после всего этого госпиталь стал казаться мне домом». Эти месяцы на чистой больничной койке были первым периодом в его жизни, когда он не работал, когда о нем заботились. Неслучайно в его армейском альбоме сохранились именно госпитальные снимки.

Уже в самом конце войны, в сентябре 1918 года, в битве за Перон был тяжело ранен Осип Рынкевич. На этот раз он получил ранения в голову и в левую

Александр Майко в госпитале (в нижнем ряду в центре).

руку во время бомбежки. Как и Майко, он был эвакуирован в английский госпиталь, а потом в Австралию. Его внучка Мари рассказывает, что Осип никогда не говорил о войне. Только раз, в ответ на ее вопрос, он сказал: «Война ужасна», — и рассказал ей о траншеях, полных крови и частей человеческих тел. Помолчав, он добавил: «Никогда не отпускай на войну своих сыновей».

11 ноября 1918 года война была закончена. Горстку белорусов, которые еще оставались на Западном фронте — Виселенский, Прусов, Тарасов, Мирский, Пашкевич, Гурасов, Вольфсон, Тортсан, Майер, — отправили в Австралию. К ним присоединился и Семен Сучков, освобожденный из немецкого плена.

Двое наших земляков — Робин и Кунин — навсегда остались на полях сражений, третий — Самуил Эттингер — умер в Австралии, не успев попасть на фронт. Имя каждого из них увековечено на стене Австралийского военного мемориала в Канберре. Имя одного — ослепшего Вячеслава Ковальского, покончившего с собой в Лондоне, — не попало в ряды героев.

Уроженцы Беларуси служили во многих подразделениях Австралийской армии. В своей службе они редко поднимались выше чина рядового, что было связано с их слабым знанием английского языка. Неудивительно, что большинство из них служили в пехотных батальонах; Виселенский и Пашкевич попали в саперные подразделения — рыли окопы, подвозили на лошадях снаряды. Мирский работал пекарем в полевых кухнях. Тем не менее несколько из них служили в «элитных» частях. Жабинский и Тортсан стали пулеметчиками. Вильяма Деонка, когда он из-за ранения не смог вернуться на передовую, определили служить в военную полицию — редкая честь для россиянина в Австралийской армии, — и присвоили чин капрала. Прусов освоил профессию механика в авиационном отряде. Но самую блестящую карьеру сделал Норман Майер: начав службу 20-летним студентом в чине рядового, он закончил ее лейтенантом, командующим колонной амуниции.

Да, белорусы служили в Австралийской армии так же, как и австралийцы. Превозмогая страх, они поднимались в атаки как пехотинцы, рыли окопы и туннели как саперы, выносили с поля боя раненых как санитары, доставляли боеприпасы под огнем противника как погонщики лошадей... Процент потерь среди них был такой же, как по Австралийской армии в целом. И все же их ноша была порою тяжелее, чем у их австралийских соратников, тяжелее на неизмеримую величину — быть чужаком среди австралийцев.

Продолжение следует.